

Художник С. Тонин

Практикант

Владимир Арнев

НАНОФАНТАСТИКА

С самого начала было ясно: его отправили сюда от безысходности. Еще один древний дом, каких сотни и тысячи по всему краю, что ты будешь там делать, какие открытия совершишь? Все давно описано, изучено, запатентовано. Сиди в нем с утра до вечера — скорее сторож, чем этнограф, выметай пыль из углов, урезонивай обнаглевших мышей, пересвистывайся со стрижами. Слишком молодой, чтобы помнить давние, благословенные времена. Слишком наивный, чтобы смириться и признать: они уже никогда не вернуться — ни те времена, ни обитатели дома.

Когда юноша приехал, прежний хранитель встретил его на пороге. «Ну, — сказал, — всё в твоих руках». Практикант ждал, что тот вручит ему ключи, чтоб все честь по чести, но хранитель только засмеялся: «Какие ключи, мальчик! Кто тут что украдет». Сам он почти с облегчением встретил сменщика, пожелал удачи и сказал, мол, в случае чего — я у родственников, в поселке под рекой. Там, мол, и виды покрасивше, и умирать приятней.

Дом был холодный и пустой, практикант первым делом заклеил окна и вымел мусор. Потом устроил себе в одной из комнат жилище, но бывал там нечасто, только спал и ел. А так ходил по дому, пытался сообразить, как они тут жили раньше, на что надеялись, чем питались, во что верили. Как выглядели их дети, как они смеялись и дразнились. Делал заметки, догадываясь, впрочем: никому они не понадобятся.

По ночам смотрел на звезды, слушал сверчков и ночных тварей, перегукивавшихся с башен тоскливыми голосами.

Мечтал: вот распахнется на миг окно в прошлое — все, все увижу сам!

Потом ему сообщили, что дом он держит в образцовом состоянии и поэтому его — дом — выбрали для музея. Приехали машины, аккуратно и быстро разобрали, сложили на платформы, перевезли за город, в особый парк. Там уже стояли другие дома — еще более древние, не многоэтажные и не из бетона, а из кирпича, мрамора, один даже — смешно сказать! — из бревен.

Практиканту предлагали заняться каким-нибудь другим домом, поинтереснее — предлагали настойчиво, с угрозами, сулили золотые горы. Он отказался, конечно. Да уже и не мог бы иначе: слишком привязался к дому.

Жил он где и прежде, машины всё восстановили, если бы не вид за окном, можно было бы решить, что и вовсе никуда не переезжал. Мыши по-прежнему хулиганили, стоило только дать им послабление; все так же плели свои тенета крестовики, стрижи вывели потомство и вот теперь учили птенцов летать. Единороги приходили из-за реки и задумчиво пофыркивали, гуляя по дорожкам.

В парке практикант познакомился с Никоном — низеньким, щуплым старичком, очень забавным. Никон тоже жил в одном из домов, хотя этнографом не был. И вообще любил подчеркивать, что здесь ненадолго. «Как думаешь, — говорил, — я свои три сотни лет прожил для того, чтоб куковать до скончания веков в этом благословенном захолустье?! Нет, брат, я еще ого-го! Если ж не я — то кто позаботится обо всей этой красоте?» — И он обводил руками парк и улыбался совсем не по-стариковски.

Практикант робел перед ним. Вопросов накопилась уйма, но задавать не решался. Просто слушал, а по вечерам делал пометки.

Когда наступила осень, пришла пора улетать. Теперь практикант понял, отчего так настойчиво ему предлагали переехать. Все дома из парка снова разобрали — и погрузили теперь уже на корабль.

«Память, — приговаривал Никон, — великая вещь. Память — это ого-го! Здесь не забудет, а там они пригодятся. Пусть-ка детки по ним учат историю, а, как считаешь?»

Умер Никон еще перед стартом. Практикант плавал по кораблю, рассматривал мигающие поверхности, слышал, как в темноте что-то жужжит, ворчит, вздыхает. Тело Никона, бледное и бездыханное, лежало под прозрачным колпаком.

«И ведь не спросишь у него, — думал практикант. — Не посоветуешься. Глупо как вышло. И чего я стеснялся? Ну человек, ну — видит меня. Старейшины говорят, такое и прежде случалось, на то мы и домовые, чтоб они нас видели!»

Потом с ним заговорил голос — металлический, но очень знакомый. Это был Никон, тело его спало, а душа растекалась по всему кораблю. Старт прошел успешно, впереди была долгая дорога к землям, на которые века назад улетели люди.

«Ну вот, — смеялся Никон, — мы теперь на равных: ты домовый, а я — корабельный. Станный вы народ: с нами лететь не захотели, остались — а теперь тоскуете. И так им плохо, и эдак... Прямо как люди, один в один!»

Теперь они подолгу разговаривали — и практикант спрашивал, спрашивал, спрашивал... «А какое там небо? А птицы — есть там птицы? А трава растет? А чем пахнут ягоды? А дождь у вас там мокрый?»

Никон смеялся и отвечал, охотно и в подробностях. «Ведь врет же! Не может же такого быть! Не может!» — с восхищением думал практикант. Но все равно делал заметки в своем блокноте.

А по ночам ему снились дети: их топот по лестницам, смех, считалочки, дразнилки. Только звуки и тени — он ведь еще не знал, ни разу в жизни не видел, как выглядят настоящие дети.

